

FamFG §§ 97, 343 ч. 2 в редакции от 29.06.2016; EuErbVO ст. 4; InterErbRVG § 42 п. 2

В случае так называемых "пограничных маятниковых мигрантов" (например, между Германией и Польшей) с 17 августа 2015 года международная юрисдикция в вопросах наследования определяется в соответствии со статьей 4 и далее Регламента ЕС о наследовании (EuErbVO), что означает определение юрисдикции по последнему обычному месту пребывания наследодателя. Это место определяется с учетом всех обстоятельств конкретного случая, особенно личной и семейной интеграции наследодателя в государстве-члене пребывания, при учете соображений, изложенных в пунктах 23 и 24 преамбулы EuErbVO.

Это может привести к тому, что обычное место пребывания пожилого пограничного мигранта, который не интегрирован во втором государстве, остается в первом государстве, даже если он больше там не проживает. Местная юрисдикция в таком случае определяется в соответствии с национальным законодательством и привязывается, согласно § 343 ч. 2 FamFG (новая редакция), к последнему обычному месту пребывания на территории Германии.

Решение суда высшей инстанции Берлина (KG): Постановление от 26.04.2016 – 1 AR 8/16, вступило в законную силу.

Предыдущая инстанция: Суд первой инстанции Панков-Вайсензее (AG Pankow-Weißensee).

Процедура принятия заявления дочери умершего об отказе от наследства должна быть проведена в суде Панков-Вайсензее.

Основания:

I. Суды первой инстанции Панков-Вайсензее и Веддинг спорили о применимом праве в наследственном деле с иностранным элементом. Наследодатель до 11 февраля 2010 года имел основное место жительства и обычное место пребывания в районе, относящемся к юрисдикции суда Веддинг. С указанного момента он переехал в жилое помещение, расположенное в складском здании в городе Г., расположенном на западе Польши, неподалеку от реки Одера возле К., при этом сохранив «для целей регистрации» второе место жительства у своей дочери в районе Берлин-Панков. Однако фактически он там никогда не проживал.

Из своей квартиры в Польше наследодатель в пожилом возрасте продолжал работать в Берлине и в федеральной земле Бранденбург в качестве строительного подрядчика и консультанта, чтобы получать дополнительный доход. Во избежание повторений, дополнительные подробности о его жизни изложены в пункте II и основаны на показаниях его дочери, данных в Сенате Панков-Вайсензее и апелляционной инстанции.

8 февраля 2016 года наследодатель скончался в больнице в Берлине-Шарлоттенбурге. 11 марта 2016 года дочь наследодателя в суде Берлин-Панков, соответствующем её месту жительства, официально отказалась от наследства отца и передала архив с деловыми документами и ключи от квартиры в городе Г.

11 марта 2016 года суд Панкков-Вайсензее признал себя некомпетентным рассматривать дело и на основании § 343 ч. 2 FamFG передал его в суд Веддинг. Суд Веддинг 16 марта 2016 года также признал отсутствие своей юрисдикции и передал дело в Каммергерихт для разрешения спора о юрисдикции.

II. Сенат правомочен принимать решение в возникшем между судами Панкков-Вайсензее и Веддинг споре о местной юрисдикции на основании § 5 ч. 1 п. 4 FamFG.

Отсутствует правовая основа для передачи процедуры по принятию заявления об отказе от наследства в суд Веддинг.

1. Суд по наследственным делам при суде Панкков-Вайсензее компетентен для принятия заявления дочери наследодателя об отказе от наследства в соответствии с § 31 IntErbRVG в сочетании со ст. 13 EuErbVO, так как заявитель, отказывающийся от наследства, имеет обычное место пребывания в юрисдикции данного суда.

Процедура принятия отказа от наследства является наследственным составом, который относится к компетенции судов по наследственным делам. Это одна из процедур, связанных с наследственной массой (сравните перечень в § 342 FamFG). После завершения процедуры отказа документы остаются в этом суде.

Однако процедура принятия заявления об отказе от наследства считается завершенной только после передачи оригинала протокола отказа (в соответствии с EuErbVO) или направления заявления в компетентный суд по наследственным делам (согласно § 1953 ч. 3, п. 1 BGB). На основании протокола в деле нельзя установить, была ли такая передача произведена.

2. Если дочь наследодателя, отказавшаяся от наследства, передала в суд Панкков-Вайсензее письменные документы и ключи, принадлежавшие умершему, может быть установлена особая местная юрисдикция согласно § 344 ч. 4 FamFG, если в пределах юрисдикции данного суда существует необходимость обеспечения наследства. Однако из-за отсутствия достоверной информации о характере и состоянии переданных предметов такая необходимость не может быть установлена.
3. В связи с дополнительной информацией, предоставленной дочерью, отказавшейся от наследства, может возникнуть необходимость проведения других процедур по наследственному делу (обеспечение наследства, установление наследников, оглашение распоряжений на случай смерти и т.д.).

Руководствуясь имеющимися данными и допуская возможность получения новых сведений и установлений по данному наследственному делу, Сенат указывает следующее:

Суд Веддинг может быть определен как компетентный суд по наследственным делам. Его компетенция вытекает из § 343 ч. 2 FamFG в редакции от 29.06.2015 в сочетании со ст. 4 EuErbVO. Указанная новая редакция § 343 FamFG вступила в силу вместе с Европейским регламентом о наследовании (EuErbVO – Регламент (ЕС) № 650/2012 от 04.07.2012) с 17.08.2015.

Международная юрисдикция по делам о наследовании с международным элементом, начиная с 17.08.2015, определяется в основном ст. 4 и следующими EuErbVO в сочетании с § 97 FamFG (см. Zöller/Geimer, ZPO, 31-е изд., п. 45 к предисловию к §§ 97-110; то же, п. 5 к § 105 FamFG). EuErbVO является актом европейского права, который

имеет приоритет перед положениями FamFG (§ 97 FamFG). Применение EuErbVO направлено на согласование применимого наследственного права с правом государства-члена (пребывания) наследодателя на момент его смерти – за исключением случаев отклонений, предусмотренных регламентом, таких как выбор применимого права или соглашение о подсудности (см. Palandt-Weidlich, BGB, 75-е изд., п. 8 к § 1960 в сочетании с пп. 6–8 к § 2353 и соответствующими ссылками).

В соответствии со ст. 4 EuErbVO при определении юрисдикции не делается различия между спорными и добровольными судебными разбирательствами; юрисдикция привязывается к последнему обычному месту пребывания наследодателя. В данном трансграничном случае последнее обычное место пребывания могло быть расположено либо в Польше, либо в Германии. Последнее обычное место пребывания определяется в этом контексте на основе понятия обычного места пребывания, как оно трактуется в практике Европейского суда по Регламенту (ЕС) № 2201/2003 о юрисдикции и признании/приведении в исполнение решений по делам о браке и родительской ответственности (подробно см. Hess v Dutta/Herler, Die Europäische Erbrechtsverordnung, 2014, стр. 134 и далее, с соответствующими ссылками).

Оценка должна учитывать все обстоятельства конкретного случая, в частности личную и семейную интеграцию наследодателя в государстве-члене (пребывания). Кроме того, для толкования следует привлекать соображения 23 и 24 преамбулы EuErbVO (см. Geimer/Schütze/Wall, IRV, ноябрь 2015, пп. 6, 54 и далее к ст. 4 EuErbVO). Ключевым при определении обычного места пребывания является «центр жизненных интересов наследодателя». Это требует общей оценки жизненных обстоятельств наследодателя за годы до его смерти и на момент смерти с учетом всех релевантных фактов, особенно длительности и регулярности его пребывания во втором государстве.

В данном случае подавляющее большинство обстоятельств дела указывает на то, что наследодатель до своей смерти имел центр жизненных интересов в Германии в указанном выше смысле. В соображениях 23 и 24 преамбулы к EuErbVO перечислены конкретные критерии, по которым определяется обычное место пребывания в случаях так называемых «пограничных маятниковых мигрантов». Для таких лиц обычным местом пребывания остается государство происхождения, если там сохраняется семейный и социальный центр жизненных интересов наследодателя. Это применимо к рассматриваемому делу:

Семья наследодателя, который только в 2010 году, в возрасте 72 лет, отказался от основного места жительства в Берлине-Р., оставалась в районе Берлин-Б. Он поддерживал с ними обычные семейные контакты в неизменной форме. Во второй квартире своей дочери в Берлине-Панков он сохранил место жительства исключительно для «регистрационных целей», фактически там не проживая. Интеграция в новом месте жительства в Г. (Польша), неподалеку от германо-польской границы у К. (река Одера), практически не произошла. Наследодатель не говорил по-польски, не был интегрирован в жизнь деревни или местных сообществ. Личные контакты ограничивались разговорами и указаниями местным консультантом, а также редкими беседами с местным священником, владевшим немецким языком. В Польше он новую семью не создал. К врачам и в больницы он обращался исключительно в Германии.

Наследодатель получал все свои доходы (пенсии, поступления от самостоятельной деятельности в строительной сфере) в Германии. Его банковские счета также

находились в Германии. Практически ежедневно он пересекал реку Одер в рамках своей строительной деятельности, чтобы добраться до строительных объектов и клиентов. Решение арендовать часть складского помещения в Г., оборудованного квартирой, было принято исключительно по экономическим соображениям (значительно более низкая аренда по сравнению с Германией) и из соображений удобства (короткие расстояния до клиентов в районе Берлин-Б.). Связь наследодателя с его родной страной оставалась особенно крепкой и устойчивой (см. Geimer/Schütze/Wall, указ. раб., RdNr. 54).

Местная подсудность суда первой инстанции Веддинг вытекает из § 47 п. 2 в совокупности с § 2 ч. 4 IntErbRVG, ст. 4 EuErbVO и § 343 ч. 2 FamFG, поскольку рассматриваемое дело относится к сфере добровольной юрисдикции. Так как на момент смерти наследодатель имел обычное место пребывания в Германии (в значении ст. 4 EuErbVO), местная подсудность AG Wedding устанавливается на основании § 343 ч. 2 FamFG, поскольку наследодатель имел в этом округе последний (фактический) постоянный адрес на территории Германии. Соответствующие положения в Законе о процедурах по семейным делам и делам добровольной юрисдикции (§§ 105, 343) упоминаются в § 47 п. 2 IntErbRVG.

Обстоятельство, что § 343 ч. 2 устанавливает подсудность суда по последнему месту пребывания наследодателя в Германии в случаях, когда он больше не имел обычного места пребывания в Германии, и одновременно, как установлено выше, наследодатель, будучи "маятниковым мигрантом", проживающим рядом с границей, имел обычное место пребывания в Германии в значении ст. 4 EuErbVO, не является противоречием. Статья 4 EuErbVO определяет международную юрисдикцию немецких судов в наследственных делах с иностранным элементом на основе автономного толкования термина «обычное место пребывания» на момент смерти. Местная подсудность, напротив, регулируется национальным законодательством (ст. 2 EuErbVO; см. Zöller/Geimer, указ. раб., RdNr. 12 к ст. 1 EuErbVO). Эта регламентация, как уже отмечено, была введена с вступлением в силу EuErbVO согласно § 47 п. 2 в совокупности с § 2 ч. 4 IntErbRVG, ст. 4 EuErbVO и § 343 ч. 2 FamFG. В отсутствие возможности установить единственное место обычного пребывания наследодателя, который вплоть до своей смерти регулярно перемещался в пределах района Берлин-Б., привязка местной подсудности к последнему обычному («постоянному») месту пребывания в округе суда первой инстанции Веддинг является обоснованной (§ 343 ч. 2 FamFG).

Параллельные публикации:

- MDR 2016, 832
- FamRB 2016, 402
- NJW-RR 2016, 1100
- Rpfleger 2016, 654
- FamRZ 2016, 1203